
Любовь НОВИКОВА

Как вижу: одинокая и, кажется, всеми навеки забытая Любовь Новикова сидит за скрипучим письменным столом над кругом от настольной лампы, в котором поoitся ослепительно пустой лист бумаги. Сидит и не знает, что будет с ней завтра, и не вполне понимает, на что ей завтра жить. Но для нее это не важно. Для нее важно лишь то (и так было всегда), что именно к утру появится на этом листе бумаги. Да, лучшее, что могло с ней случиться, наверное, позади. Да, впереди, похоже, ничего, кроме непроглядной ночи и этих безразличных звезд в окне, всю ночь стоящих на одном месте, бесконечно далеких и холодных...

Но я-то знаю, что все не так, что это Вечность привалилась к ее окну с той стороны и, боясь дышать, смотрит на нее во все глаза. Словно еще раз хочет убедиться в том, что не ошиблась в ней, что поэт Любовь Новикова — то подлинное, ради чего она сейчас стоит за ее окном, что они с нею — заодно и делают одно дело. И выходит, что еще при жизни, кажется, всеми забытая Любовь — уже в вечности. И Вечность ждет только одного, когда Любовь вспыхнет, как тот куст на горе Хорив, и запылает синим пламенем. И вот тогда польются на бумагу слова, те, с заглавной буквы, ради которых и является в жизнь поэт и ради которых он умирает всю свою жизнь. Ведь чтобы нечто подлинное появилось у поэта к утру, он должен всю ночь гореть. Только тот, кто честно горит, не умеет лгать.

А Вечности от поэта по большому счету нужна лишь правда.

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Я говорю от имени травы.
От имени земли седой и древней.
Я говорю от имени листвы.
От имени деревьев.

Я говорю. Но от седой тоски
Уже словами мне не отогреться.
И здравому рассудку вопреки
Слова приобретают форму сердца.

О, как они болят во мне — слова.
Как тяжелы им злые козни века.
И я уже не чувствую родства
С людьми. Мне страшно званье человека.

Любовь Николаевна Новикова родилась в 1959 году. Поэт, член Союза российских писателей и Союза журналистов РФ. Автор девяти стихотворных сборников и публикаций в литературных журналах и альманахах. Живет в Ярославле.

И от суда не пряча головы,
Я ухожу в небесные просторы.
Жалейте мир. Щадите жизнь травы.
Ведь всяк из нас травую станет скоро.

Да будет так. Моих полночных дум
Теперь уже ничем не успокоить.
Я слышу за окном призывный шум.
Я ухожу. Я становлюсь травую.

* * *

Как холодно. И время все темней.
И люди на земле забыли Бога.
И ветер поднимается с полей.
И вдаль идет по вымершим дорогам.

И больше не с кем слова мне сказать.
И больше не с кем поделиться болью.
Как рано стала жизнь оскудевать
Надеждою, и верой, и любовью.

О, сжаться бы в невидимый комок.
Забиться бы в непроходимый угол.
Мир ослабел, затих и занемог
Смертельным неизведанным недугом.

И я стою над черной пустотой,
Над этою непоправимой бездной.
О, кто так посмеялся надо мной?
Чей там оскал сжимается железный?

* * *

Пришло мне время говорить вам так.
Ведь мне иного случая не будет:
Я верности училась у собак.
Предательству меня учили люди.

Нет, вам не затоптать мои следы
И не постичь глубин моей печали.
Я доброте училась у воды.
Уроки зла мне люди преподали.

Уже темнеет время на часах.
И многое уже мне стало поздно.
Я говорю. И на моих словах,
На буквах этих проступают слезы.

Нет, неспроста я здесь была чужой
И не нашла ни отзыва, ни крова.
О, если бы могла я стать травой
Иль чистою водою родниковой!

* * *

О, как холодно здесь. Нам уже не уйти от беды.
Чую, чую беду. Я всегда ее голосу внемлю.
Я гляжу из окна, как с большой одинокой звезды
На усталую землю.

Скоро стают снега, расплывутся тяжелой водой.
А потом все вокруг расцветет, но уже ненадолго.
Чую, чую беду. О, как в воздухе пахнет бедой.
От непролитых слез журавлиное небо заволгло.

Я уже не кричу. Я уже научилась молчать.
Разве криком моим это гиблое дело исправить?!
Лучше в поле пойду и начну обнимать, целовать
И, прощаясь, жалеть обреченные травы.

Мне уже не гулять. Мне уже больше песен не петь.
Мне уже по ночам как-то трудно и страшно не спится.
Одного я боюсь — не успеть
Все деревья обнять, всем цветам до земли поклониться.

* * *

Да что ж ты не подал руки
Последней фее?
О, как заныли позвонки
На сгибе шеи.

Как загляделась я на крюк
Для полотенцев.
Куда девать мне нежность рук
И щедрость сердца?

О чем теперь мне горевать
И что пророчить?
Куда прикажешь мне девать
Бессонность ночи?

Охрипла. В горло не продеть
Строки суровой.
Куда на крыльях мне лететь
На мотыльковых?

Ведь по-другому, чем — дотла,
Я не умею.
Плохий последние дела
Последней феи.

* * *

Благодарю судьбу за крест в оконной раме.
Мне без него никак — здесь гиблые места.
Кто для чего рожден, кто чем по жизни ранен.
А я вот — для креста. Оконного креста.

Пока не заживет мой обожженный профиль
На трудной чистоте тетрадного листа,
Я буду утверждать: не только на Голгофе
Стоять крестам. Они — не только для Христа.

Крест — он повсюду крест. Его такое дело.
Хоть руки разведи, так вот тебе и крест.
Была бы лишь Душа, которая б болела
За все что ни на есть, за всех кто ни на есть.

Я каждый день в окне. Полвека я распята.
Давно уж заросли на мне следы гвоздей.
Но воздаяньем мне такая же расплата,
Какую получил воскресший Иудей —

Все так же страшен мир. Злы и жестоки братья.
Все так же, как тогда, глаза у них пусты.
Все меньше у людей надежды на распяття.
И падают в цене оконные кресты.

* * *

Я была почти что на краю.
Мне до края было два шага,
Как на землю черную мою
Повалили белые снега.

И ударил ветер по стеклу.
И разбилось ветхое стекло.
И махнув полою по полу,
Все тепло из дома утекло.

Стоит ли об этом говорить?
Стоит ли об этом горевать?

Ведь уже минуло время жить,
Верить, и надеяться, и ждать.

Я уже не многое скажу.
Задохнулся криком голос мой.
Я свою печаль перевяжу
Белою полою снеговой.

Подойду к разбитому стеклу.
Заслону разбитое стекло.
Время в сердце прибывать теплу.
Жаль вот только — время утекло.

* * *

Я думала, вправду умерли
Седые стволы берез.
Откуда в мартовском сумраке
Столько пролитых слез?

Пора уже мне одуматься,
Опомниться, откричать.
Блаженной Ксении-дурочки
Сияет на мне печать.

Ни в ком не встречая жалости,
Засохшим давясь куском,
Грожу я в безумной ярости
Всевышнему кулачком.

А небо молчит и хмурится.
И крестит за мной углы.
И плачут с Ксенией-дурочкой
Березовые стволы.

* * *

Всю-то ночь дверями тут хлопали.
Натащили грязи, натопали.
Что искали, то не увидели.
Только мою Душу обидели.

Только сердце мне растревожили.
Разделили то, что не множили.
И прожили то, что не нажили.
И ушли дорожками вражьими.

То-то я наплакалась досыта.
А потом, как омут — без просыпа.
Отдышалась, выжила. Не впервой.
С головою белою снеговой.

* * *

А в общем-то, я на признанья не падка.
Да что в них и проку, в наивных признаньях.
Вот мне б разгадать наконец-то загадку
Любви моей странной к поре увяданья.

Опавшие листья уже почернели.
И голых берез беззащитны вершины.
И помнится, в среду на прошлой неделе
Проплыл за окном моим клин журавлиный.

Дождь еле заметной скользит паутинкой.
Как будто и вправду земли не касаясь.
По мокрой, едва различимой тропинке
Шагает чуть боком ворона седая.

Не в этом же, право, таится причина
Покоя и света, плывущего в Душу.
О, как я покорна холодным равнинам.
О, как я покорна, о, как я послушна.

Как будто сама я и день этот блеклый.
И голых берез беззащитные кроны.
И эта идущая чуточку боком
На мокрой тропинке седая ворона.